

Дмитрий Ващук
(Національна Академія Наук України, Кі́їв)

Население и власть в Великом княжестве Литовском: соотношение права “старины” и “новых” законов

Исследуя Великое княжество Литовское, ученый неоднократно встречается в источниках “хрестоматийное” выражение: *“старины не рухаем, а новин не вводим”*, которое стало своеобразным лозунгом политики Вильно на украинских землях. Первое, что бросается в глаза при прочтении этого короткого постулата – сохранение на конкретной территории чего-то в неприкосновенности, как правило – существующих порядков, то есть того, что и трактуется как “старина”. Соответственно “новина” должна была принципиально отличаться от “старины”, поскольку ее внедрение, в первую очередь, в виде законодательных актов, могло привести к существенным изменениям как в политико-правовой, так и в социально-экономической жизни отдельных земель ВКЛ.

Однако, отвечал ли задекларированный “консерватизм” политике правительства ВКЛ? Был ли он практической реальностью ментальности населения или остался бумажным вариантом? Попробуем дать ответ на эти вопросы под углом зрения правовой практики.

В историографии второй половины XIX – первой половины XX вв. практическое действие этой формулировки не вызывало сомнений¹. Например, по мнению М. Любавского, великие князья литовские в организации государства *“мало проявляли творческой воли и разума, ссылаясь постоянно на старину”*, поэтому *“она была юридической опорой и социальных, и политических отношений”* и, таким образом, нерушимой². С. Кутшеба, сравнивая общеземские привилегии с областными, выделил основные отличия между ними: 1) последние, как правило, писались на русском языке, а

¹ Więcej na temat historiografii problemu „старины” patrz: Д. Ващук, *Непорушність “старини”: “консерватизм” державної політики Великого князівства Литовського чи історіографічна традиція кінця XIX – першої третини XX ст.?*, [w] *Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.)*, wyd. 6, Kijów 2006, s. 423–438.

² М. Любавский, *Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно*, Moskwa 1910, s. 295.

в отдельных случаях дублировались латынью, в то время, когда первые – только на латинском языке; 2) уставные грамоты гарантировали не свободы и вольности для высшего состояния, а неприкосновенность “старины” и местных обычаев³.

Непосредственное внимание к вопросу, связанному с функционированием института “старины”, обратил А. Грушевский. В одном из разделов монографии – “Старина и новина в жизни мелких городов XIV – XV вв. Борьба за старину” – исследователь писал, что с конца XIV в. только большие города имели возможность отстаивать свою “старину”. Великокняжеская администрация чрезвычайно бережно относилась к этому, предоставляя специальные письменные грамоты, в которых гарантировалась нерушимость старых обычаев и порядков, а любые попытки наместника нарушить положение документа наталкивались на протесты мещан, которые сразу подавали судебный иск к великому князю⁴. С другой стороны, жители мелких городов, которые также ценили свою старину, не имели достаточно сил и средств для ее сохранения от деятельности великокняжеских наместников. Основная причина этого заключалась в том, как считал А. Грушевский, что “старина больших городов насчитывала века, а мелких – десятилетие”⁵. М. Грушевский в своей фундаментальном труде „История Украины-Руси” писал: “Консерватизм (“старины не рухает, а новин не вводим”. – Д. В.) вообще стал лозунгом политики литовского правительства. старорусские порядки, принесенные русскими землями в это новое политическое тело, в княжество Литовское, должны были быть в целостности сохранены”. Единственное условие, которое ставило государство – военная служба. Именно это, как считал историк, было причиной “очень важных изменений в общественных отношениях”⁶. В то же время, несмотря на фактическую двусмысленность мнения М. Грушевского, он так и не поддадал глубокому критическому анализу тот же “консерватизм”.

Среди ученых одним из первых, кто засомневался в истинности этого постулата, была А. Ефименко. По ее мнению, литовско-украинское общество XV – XVI вв. “не имело ничего общего с социальными явлениями удельной эпохи. Другой строй, другие общественные отношения, другие учреждения, другие обычаи и традиции”. Более того, великокняжеская власть, которая постоянно декларировала “старины не рухает, новин не вводим”, одновременно постоянно нарушала это правило, “внедряя “новин”, медленно направляя разнообразие

³ S. Kutrzeba, *Unia Polski z Litwą*, [w] *Polska i Litwa w dziejowym stosunku*, Warszawa 1914, s. 540; tenże, *Historia ustroju Polski w zarysie*, cz. 2: *Litwa*, Lwów 1914, s. 44.

⁴ Analogiczny pogląd posiada także współczesny badacz J. Machowienko, który uważa, że zachowanie wewnętrznej „dawności” w miastach, nie mieszanie się w ustalone normy i systemy instytucji samorządu było częścią świadomej polityki wielkich książąt litewskich (J. Machowenko, *Nelietuwišką žemių teisinė padėtis Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje (XIV – XVIII a.)*, Wilno 1999, s. 173).

⁵ А. Грушевский, *Города В. княжества Литовского*, Кijów 1918, s. 18-42.

⁶ М. Грушевский, *Історія України-Руси: В 11т., 12 кн., т. V: Соціально-політичний і церковний устрій і відносини в українсько-руських землях XIV – XVII віків*, Кijów 1998, s. 5.

областной жизни в одно общее русло". Однако исследовательница не была последовательной в развитии указанного утверждения, рассказывая не о "двух разных обществах (долитовское и литовско-украинское, что было бы логичным. – Д. В.), а о двух фазах развития одного и того же общественного организма"⁷. Более критически настроенным оказался И. Крипьякевич. Он считал, что "хоть литовские князья заявляли, что "новин не вводят", однако в действительности они провели основные изменения в Украине тем, что забрали власть из рук украинских князей и передали ее своим наместникам. Так литовские князья пытались уничтожить в Украине стремление к созданию самостоятельной государственной жизни"⁸.

В современной историографии упомянутый принцип "консерватизма политики ВКЛ" был предметом специального исследования М. Крома. Это, в сущности, первая серьезная критическая публикация по этой проблеме. Основной вопрос озвучен таким образом: "как могли происходить изменения в обществе, чьим девизом было: "мы старины не рухает, а новин не вводим?"⁹. Наиболее интересное заключается в том, утверждал историк, что "как раз в то время, когда власть громче всего заявляла о своем расположении к "старине", в Великом княжестве полным ходом шли большие изменения"¹⁰. Мы не будем анализировать статью полностью, а только отметим, что итоговый вывод выглядит так: "принцип нерушимости старины совсем не означал недопустимость любых изменений и новшеств. Это был своего рода "иммунитет", но иммунитет избирательный: только вредные новации считались населением как "новинки" и отталкивались, а никакие льготы или привилегии не считались нововведениями и свободно воплощались в жизнь"¹¹.

Сравнительный анализ норм Русской Правды с письменными памятниками права ВКЛ XV в. показал, что рецепция норм старорусского законодательного памятника оказалась лишь в ряде положений. Во-первых, в правах вдов и детей. Только в Русской Правде они представлены в значительно более широкой редакции. Во-вторых, в ограничении ответственности жены и детей вора. В-третьих, в запрещении холопам быть свидетелями. В то же время, система судопроизводства и статьи "о татьбе" уставных земских грамот не имели ничего общего с Русской Правдой¹².

⁷ А.Ефименко, *История украинского народа*, Київ 1990, s. 112-113 (przedruk publikacji z 1906 r.).

⁸ І. Крип'якевич, *Історія України*, Львів 1990, s. 114.

⁹ М.Кром, "Старина" как категория средневекового менталитета (по материалам Великого княжества Литовского XIV – нач. XVII вв.), [w] *Mediavalia ucrainica: ментальність та історія ідей*, т. III, Київ 1994, s. 68.

¹⁰ Там же, s. 71.

¹¹ Там же, s. 76.

¹² Д. Ващук, *Рецепція норм „Руської Правди“ в пам'ятках права Великого князівства Литовського (на матеріалах обласних привілеїв другої половини XV ст.)*, [w] *II Міжнародний науковий конгрес українських істориків „Українська історична наука на сучасному етапі розвитку“*. Кам'янець-Подільський, 17-18 вересня 2003 р., т. I, Камінець Подольський – Київ – Nowy Jork – Ostróg 2005, s. 136-142.

На наш взгляд, в этом отношении Русская Правда не имела существенного влияния на правовые документы украинских земель ВКЛ, а поэтому утверждать о непосредственной рецепции старорусского правового наследия в Великом княжестве Литовском не совсем корректно.

Такой вывод, в свою очередь, ставит под сомнение утверждение, что областные привилеи, как законодательные документы, выступали своеобразным гарантом сохранения местной “старины”, корни которой достигают времен функционирования старорусского права. Таким образом, артикулы уставных грамот перевоплощаются не во что иное, как в “новины”, против которых так активно боролась местная шляхта, а в то же время подавала прошения о подтверждении областных привилеев новоизбранному великому князю литовскому.

Например, при пожаловании Сигизмундом I Старым Киевской земле уставной грамоты в 1507 г. в конце документа читаем: “мы старины не рушаемъ, а новины не уводимъ, хочемъ все по тому мети, как будетъ было за великого князя Витовта и за Жикгимонта”¹³. Это при том, что сам великий князь в этом же привилее, по сравнению с грамотой Александра Ягеллончика, прибавил по просьбе киевской шляхты несколько новых льготных артикулов: “Такожь просили нас князи, и панове, и земляне киевские, и жбы имъ новины уводили врядники наши, воеводы киевские... и били нам чоломъ, абых имъ тые новины отложыли”¹⁴.

Возникает логический вопрос, как же тогда быть с нерушимостью “старины”? Выходит, что разнообразные “новые” преференции в момент пожалования уже становились “старинной”, даже без испытания временем и, в соответствии с консервативной декларацией, не подлежали модификации. С другой стороны, введение местными урядниками каких-либо нововведений, которые были не по душе жителям региона, сразу становилось предметом обжалования в суде и, по свидетельству источников, последние часто выигрывали.

Для примера рассмотрим дело между мозырским наместником Андреем Немировичем и господарскими людьми, мещанами Мозирской волости (8 декабря 1510 г.). Последние жаловались великому князю Сигизмунду I Старому, что наместник “*им кривды делал и новины уводил* (курсив наш. – Д. В.), брал на них на каждую неделю по шести копъ грошей собе на страву, и сено велел им на себе косити, и дрова возити, и сторожу от татар стеречи, и послы наши и гонци стацею поднимати, и подводы под них давати...” Андрей отвечал, що “им тых кривд не делал, нижли дей вы сами со мною вмовили давати мне на каждую неделю по шести коп грошей на страву.

¹³ Российский государственный архив древних актов [dalej – РГАДА], zesp. 389 Литовская Метрика, zesp. 1, sygn. 8, k. 214.

¹⁴ Tamże, k. 213v.

А штося тычет иных пошлин, ино дей и первые наместники мозырские также з вас бирывали, и службы и дачки есте потомуж служивали и даивали”¹⁵.

Отметим, что в соответствии с уставной грамотой в 1507 г. зависимые люди должны были отбывать повинности в интересах своего владельца: “Ст. 27. А церковным людем и князским, и панским езовъ не езити, а сена не косити, дворов не селити, толко им знати своих г(о)с(по)д(а)ровъ, хто кому служить...”¹⁶. Поскольку истцами выступили господарские люди, то мозырский наместник нарушил цитируемую статью привилея и поэтому решение Сигизмунда было, в большей степени, в их пользу. “И мы тому порозумевшы, – читаем дальше в деле, – иж тым людям нашим в том тяжкость ся великая деет, встановили есмо им в роком, чым мають его и иных наместников наших мозырских поднимати. Напервей мають ему в кождый год давати з места, и з волости, и с каждого дыму по полукопе грошей а по полбочце жита. А он мает с того сам живность мети из слугами своими, и послы наши, и гонцы стацею поднимати, и подводы под них нанемшы давати, и сторожу от татар стеречи... Также мещане наши и волостные люди мозырские больши того дачок, которыи ж вышей того в томъ листе нашом вряжены, не мають ему никоторых давати. А што перед тым ему даивали..., не мають ему давати”¹⁷.

Таким образом, устанавливалась ежегодная плата – полкопы грошей и полбочки ржи. Из этой суммы наместник должен был вместе со своими слугами отбывать господарские повинности.

Одна из норм Киевской грамоты освобождала шляхетских подданных от участия в преследовании: “Ст. 33. А в облаву церковным людем, и князскимъ, и панскимъ не ходити”¹⁸. Нарушение этой преференции дало повод киевлянам 18 июня 1522 г. жаловаться Сигизмунду I Старому на киевского воеводу Андрея Немировича, “ижбы ся им от тебе кривды и тяжкости всякие делали и новины уводишь..., коли дей котории мещанин коня не маеть и ты (воевода. – Д. В.) деи кажешъ им з собою на погоню ходити (курсив наш. – Д. В.), а перед тым таковые пешие мещане в замок хожывали”. Резолюция была такой: “Мы тобе в томъ очевисте росказали тымъ обычаемъ: естли котории мещанин может мети коня, тот маеть с твоею милостью на погоню ездити, а хто бы не мог з достатчичи коня купити, тот маеть в замку быги”¹⁹. То есть, в преследовании принимали участие те лица, которые были способны купить себе коня, другие – работали в замке.

¹⁵ Акты Литовско-русского государства [dalej: АЛ-РГ], wyd. М. Довнар-Запольским, wyd. I (1390-1529 гг.), Moskwa 1899, s. 144-145.

¹⁶ РГАДА, zesp. 389 Литовская Метрика, inw. 1, sygn. 8, k. 213.

¹⁷ АЛ-РГ, wyd. I, s. 145.

¹⁸ РГАДА, zesp. 389 Литовская Метрика, inw. 1, sygn. 8, k. 213v.

¹⁹ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 10. (1440-1523): Užrašymų knyga 10, oprac. E. Banionis i A. Baliulis, Wilno 1997, s. 97.

Таким образом, буквальное восприятие указанной “аксиомы” – “старину не рухаем, а новин не вводим” – не отвечает историческим реалиям. Более того, даже в официальных правовых документах спустя некоторое время ссылки на “старину” постепенно исчезают. Это подтверждается сравнительным анализом двух редакций Киевской уставной грамоты. Если в привилее 1507 г. приписка “как было за великого князя Витовта и Сигизмунда” является неотъемлемой частью отдельных положений, то в редакции 1529 г. ссылка на периоды их правления, и даже их имена, отсутствуют²⁰.

Аналогичная ситуация из Жмудским областным привилеем. Он интересен прежде всего тем, что до нашего времени сохранились как архетипная грамота, так и более поздние подтверждения. Сравнив грамоты трех редакций: 1441 г., 1492 г. и 1529 г., пожалованных, соответственно, великими князьями литовскими Казимиром, Александром и Сигизмундом, мы определили лишь те нормы, которые частично совпадают с протографом. Проведенный анализ свидетельствует, что ссылка на “старину”, так называемые времена Витовта, исчезает ближе до времени издания Первого Литовского Статута, то есть конца первой трети XVI в. В привилее 1529 г. не только не упоминаются предыдущие правители, но и наоборот, само содержание положения полностью изменилось. А это, в свою очередь, совсем не связывается с традиционным “консерватизмом”. В то же время нововведение не вызывало протестов со стороны населения. Объяснить это, на наш взгляд, можно постоянным расширением шляхетских прав, которые нуждались в защите в виде письменного “сборника законов”, а не “мифического” обычного права – неприкосновенности “старины”. При этом постепенно изменялась и ментальность населения: лучше четкие, в письменном виде задекларированные нормативные артикулы (“новины”), чем существующие в сознании и памяти обычаи (“старина”)²¹.

Подтверждением этого является Первый Литовский Статут, в котором указанный тезис о соблюдении “старины” почти отсутствует. Правда, во вступительной части еще упоминаются в. к. л. Витовт, Сигизмунд Кейстутович, Казимир и Александр. Например, в Арт. 19 читаем: “Теж хто бы которе именье або отчизну за короля Казимера во-в покои мел, а за Олександра нихто ся о то не впоминал, тогды маеть во-в покои держати. А хто будеть искати земли, а ему король дасть, не маеть иного ничого, толко так, как ему дано а как на короля держано; и што бы хто отнял, как господар дал, того маеть искати. А естли бы хто в него тую землю отнял, а держал то за Витовта, за Жикгимонта и за Казимера, тот и тепер маеть то держати”²².

²⁰ Д. Ващук, „АБЫХМО ДЕРЖАЛИ ИХЪ ПОДЛЕ ПРАВА ИХ ЗЕМЛИ” (Населення Київщини та Волині і великокнязівська влада в XV – XVI ст.), Кіjów 2009, s. 200–201.

²¹ Там же, s. 201–202.

²² Pirmasis Lietuvos Statutas. Tekstai senaja baltaruių, lotynų ir senaja lenkų kalbomis. – Pirma dalis, Wilno 1991, s. 80–82.

То есть, доминирующее положение в обществе начинает занимать кодифицированное право, которое стало своеобразной “новиной” для общества, однако полностью воспринялось населением ВКЛ и уже после внедрения Первого Литовского Статута в источниках находим этому подтверждение. Например, дело между Блажейном Жиховским и Яном Коволевишем было решено 4 октября 1529 г.: последний должен был заплатить своей сестре, жене Б. Жиховского Дороте $\frac{1}{4}$ стоимости имения “водлуг нынешнего права нового”²³, что и было сделано без каких-либо замечаний. 20 ноября 1530 г. Сигизмунд I Старый приказывал луцкому старосте Федору Чарторийскому решить дело между Грицком Сенютой, служебником князя Константина Острожского и землянином вольным Яцком относительно имения Прусы: “абы Твоя Милость (староста. – Д. В.) тому Яцку казал перед собою стати и о том межи ними досмотрел, и справедливость тому вчинил *водле нынешних прав наших от нас всему панству ново данных* (курсив наш. – Д. В.) так, пакбы им в том кривды не было, а нам бы они болши того не жаловали”²⁴. Таких примеров достаточное количество.

Таким образом, как показало исследование, “старина” вовсе не была проявлением “консерватизма” политики правительства Великого княжества Литовского. Более того, великокняжеская администрация постепенно внедряла “новые законы”, которые для местной шляхты постепенно становились “старинной”. Поэтому расширение шляхетских прав и, соответственно, доминирование “новых” законов над “старыми” привело к тому, что около первой трети XVI в. эти категории практически не употребляются в официальной юридической документации, поскольку при таких обстоятельствах тезис “мы старины не рушаемъ, а новины не уводимъ” выглядел бы анахронизмом.

²³ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 225. (1528-1547): 6-oji Teismų bylą knyga, oprac. S. Lazutka, I. Valikonytė i in., Wilno 1995, s. 104.

²⁴ Archiwum książąt Sanguszków w Sławucie wydane przez Bronisława Gorczaka, konserwatora tegoż archiwum, t. III: (1432-1534), Lwów 1890, s. 366.

Summary

Dmytro Washchuk

Population and Power in the Grand Duchy of Lithuania: the ratio of the right "old" and "new" laws

Author proves that the "antiquity" is not a manifestation of "conservative" policies of the government of the Grand Duchy of Lithuania. Moreover, the princely administration gradually introduce "new laws" that for the local gentry gradually became "antiquity." Therefore, expansion of rights gentry and accordingly, the dominance of "new" laws on the "old" led to the fact that near the first to third XVI. these categories are practically not used in the official judicial documentation.

Streszczenie

Dmytro Waszczuk

Ludność i władza w Wielkim Księstwie Litewskim: relacje między prawem „dawnym” i „nowymi” prawami

Autor dowodzi, że "dawne prawa" nie były przejawem "konserwatyizmu" polityki władz Wielkiego Księstwa Litewskiego. Co więcej wielkoksiążęca administracja stopniowo wprowadzała „nowe prawa”, które dla miejscowej szlachty stopniowo stawały się „dawnymi”. Dlatego też poszerzenie praw szlacheckich i, odpowiednio, dominacja „nowych” praw nad „starymi” doprowadziło do tego, że około pierwszego trzydziestolecia XVI wieku te określenia praktycznie przestały być używane w oficjalnej dokumentacji sądowej.